

Михаил Курсеев

*Военно-
политический
роман*

Повести и рассказы

Михаил Курсеев

**Военно-политический
роман. Повести и рассказы**

«Издательские решения»

Курсеев М.

Военно-политический роман. Повести и рассказы / М. Курсеев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836492-1

Данная книга является художественным повествованием. Главным героем является автор. В первой повести он описывает годы юности, первой любви... Во второй, на примере собственного жизненного пути, показывает, как политика ножом прошла по судьбам офицеров ВС СССР, ВС РФ.

ISBN 978-5-44-836492-1

© Курсеев М.
© Издательские решения

Содержание

Три Галины и Марина	6
От автора	6
Глава 1	7
Школьная любовь	7
Глава 2	10
Команда «Ураган», хоккей и дядя Ваня	10
Глава 3	16
Галина, Валера, деревня	16
Глава 4	23
Саня, тётя Нюра и родное село	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Военно-политический роман
Повести и рассказы
Михаил Курсеев

© Михаил Курсеев, 2017

ISBN 978-5-4483-6492-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Три Галины и Марина

Повесть

От автора

Повесть о юных годах, первой любви. Любить в жизни можно только один раз, вся же остальная жизнь с её неоднократной влюблённостью – лишь попытка вернуть то былое и навсегда утраченное чувство. Чувство первого поцелуя и первого трепета при осознании, что ты влюблён невосполнимо.

Расхожая фраза, что любви все возрасты покорны, верна только для того, кто ранее не любил ещё. Это так же верно, как то, что дважды в одну реку войти невозможно. Поэтому вопрос о том, а кто же был первой твоей любовью? – для многих остаётся загадкой до конца дней своих.

Глава 1

Школьная любовь

Впервые Михаил влюбился в девочку в первом классе, с которой сидел за одной партой, её звали Галина. Светловолосая девочка всегда в школу приходила с двумя огромными белыми бантами, глаза у неё были цвета неба. Именно цвета неба, которое меняло свою окраску в зависимости от времени года. Казалось, что и цвет глаз Галины был от туманно-серого зимой, до ярко-голубого весной. Михаилу в ней нравилось всё: от её аккуратных повседневных школьных фартучков и платиц, до всегда блестящих туфелек, от её алых бантиком губок до косичек в шикарных бантиках. Неведомая сила тянула его к ней и влекла, в школу он каждый день не бежал, а летел как на крыльях с одной мыслью: скорее увидеть её. Галина со временем стала его идеалом и тайной мечтой.

Они оба были отличники, все четыре года, что проучились вместе, всегда дружили и ни разу не поссорились, сидели за одной партой. Миша старался изо всех сил быть во всём лучшим в классе, что бы нравиться ей. Он рисовал самые красивые картинки, тайно писал стихи, начал ходить в секцию плавания. Он хотел быть уверен в том, что если понадобится, то он сможет спасти свою любовь, если она будет тонуть. При своём небольшом росте стал самым бесстрашным драчуном в классе, что его многие побаивались. Не дай бог, если кто-то пытался обидеть Галину, то кровь и сопли у того сразу текли рекой.

На выпускном вечере по случаю окончания начальной школы, они вдвоём весь вечер танцевали все медленные танцы, а потом именно они вдвоём провожали свою первую учительницу Валентину Устиновну до самого дома. Миша с трудом тащил огромную коробку полную красивейших роз, какие растут только в Узбекистане. Валентина Устиновна была чудеснейшей женщиной, прекраснейшим педагогом, именно она привила детям любовь ко всему прекрасному, вырастила самый дружный в мире класс. Она никогда не считалась с личным временем, водила класс на экскурсии в музей, в кино, театр, просто на природу в маленькие походы.

Проводив учительницу, они с Галиной оба со слезами на глазах побрели домой. Оба чувствовали и осознавали, что от них ушла незабываемая частичка их детства, это было расставание с первой любовью, они тогда ещё этого не знали, но им обоим было очень грустно, до дома Галины дошли без слов. Галинка огромными серыми глазами полными слёз последний раз глянула на Мишу, закрыв лицо руками, убежала домой.

Она жила на той же улице, что и Михаил, только на другом конце, довольно далеко. Домой он брёл как в тумане, не видя ничего вокруг, его не радовали, ни грамота за отличное окончание начальной школы, ни благоухание весны, видно у него уже было предчувствие, что его разлучат с Галиной, с его родной школой и родным классом.

Так и случилось в августе. Расставание с родной школой для Михаила стало трагедией, по настоянию старшей сестры его перевели в физико-математическую школу, как способного ученика отличника. Сколько раз он позже проклинал тот день и час, когда согласился перейти в эту ненавистную ему чужую школу, в чужом и враждебном ему районе, с совершенно чужими одноклассниками из чуждого ему сословия.

Новая школа была в самом центре города. В классах с математическим уклоном учились лучшие ученики со всего города, а так же не столь одарённые детки элитных родителей, но почти все они к шестому, седьмому классу отсеялись, так как освоить программу с математическим уклоном было довольно трудно тем, кто не обладал незаурядными способностями и трудолюбием. Способности у Михаила были, а вот желание учиться, вообще ходить в чужую школу у него не было абсолютно, поэтому он быстро превратился из лучшего ученика класса

в середняка, но продолжал там учиться, только благодаря уговорам и слезам матери, которую не хотел расстраивать. Даже, когда она поняла, что для сына эта школа стала не в радость, и была согласна вернуть его в родной класс, то было поздно. Его бывший класс в полном составе учил немецкий язык, а Михаил два года изучал английский. Он готов был наверстать и учить немецкий, но его просто не могли взять обратно по школьным правилам. Вот так и пришлось учиться в ненавистной ему школе до окончания.

Михаил часто убегал с последних уроков и, выйдя из автобуса, стоял в сторонке рядом с остановкой, дожидаясь, когда Галина будет возвращаться из школы, но когда она переходила дорогу, он сразу направлялся в противоположную сторону, боясь подойти к ней, проводить её. С ним происходило, что-то непонятное; он никогда не был трусом, робким и стеснительным, но при виде Галины столбенел и робел. Так, он в течение многих лет продолжал встречать её издали, и провожать только взглядом, ни разу не приблизившись и не заговорив с нею. Его нещадно изнутри глодало чувство вины, будто это он сам бросил её, и по своей воле ушёл в другую школу. Ему казалось, что она должна ненавидеть его за это. Святая детская наивность, но именно так, рассуждая, сам себя бичевал Михаил.

Каждую осень всех старшеклассников города вывозили на сбор хлопка, в том числе и школу, где учился Михаил, но учившиеся сынки и дочки номенклатурной элиты города, как правило, выезжали на хлопок как на пикник, могли в любое время вернуться домой, потом снова поехать, работали также спустя рукава, никто сильно не напрягался. Жили и работали каждый год в одном и том же колхозе миллионере, который не очень, как было видно, нуждался в посторонней помощи, но так было принято, выезжали все.

Размещались «хлопкоробы» в здании местной школы, в прекрасных тёплых и светлых классах, спали на мягких раскладушках, кормили очень хорошо и вкусно. Каждый год школу даже награждали ценными подарками за огромный вклад по сбору «белого золота», хотя каждый знал, что за то, как они работали, в других школах отчисляли.

В восьмом классе, поработав недельку на сборе хлопка, Миша приехал домой, взял свой мопед и поехал в колхоз, где работала его бывшая родная школа. Он твёрдо решил, что если Галина проявит к нему хоть капельку симпатии, то он непременно расскажет ей о своих чувствах к ней, что хранил в тайне все эти годы.

Он мчался с максимальной скоростью в шестьдесят километров в час, как говорится – выжимал всё из своего верного мопеда, что тот мог позволить выжать из себя. Мчался навстречу своей любви, а точнее, на встречу: надежде, вере, что будет любовь.

Проехав через плотину, разделяющую реку Чирчик на два рукава: поливной канал и основное русло реки, прозрачные воды которой с грохотом неслись через открытые шлюзы вниз по долине, Миша поехал по дороге вдоль реки. Было начало октября, деревья стояли все ещё совершенно зелёные, только кое-где можно было увидеть отдельные жёлтые и красные листочки, но не зримо в воздухе витала уже осень. Она веяла утренней прохладой, парила паутинками неприятно обволакивающими лицо, радовала созревшими полями с богатым урожаем, спелыми гроздьями винограда и пьянила пахучим запахом поздних сортов дынь, арбузов на спелой бахче. Проплывающие мимо посёлки пестрили раскраской домов и заборов, прямо вдоль дороги росли яблони, ветви которых под тяжестью плодов кланялись прохожим, пожелтевшая трава была усыпана опавшими яблоками, которые никто не собирал. Между селениями простирались хлопковые поля, там, где ещё не был убран урожай, они были похожи на заснеженные острова правильной прямоугольной формы, омываемые вокруг бесчисленным количеством каналов и арыков вдоль которых росли колючие акации и местами серебристые тополя. Картина была довольно живописная, особенно там, где могучие древние чинары, росшие по обеим сторонам дорог, протягивая навстречу друг другу свои огромные ветви, как

лапы, полностью смыкались над дорогой, не пропуская солнечные лучи, образовывали сказочные тоннели в изумрудных животрепещущих горах.

Ребята его бывшего класса жили в каком-то сарае или ангаре в ужасных условиях, спали на деревянных нарах, барак напоминал собою подобие лагерного, что Миша видел только в кино. Колхоз был бедный или жадный, кормили школьников плохо, но при этом были установлены для них такие нормы по сбору хлопка, что у Миши от удивления волосы встали дыбом, когда они ему это сказали.

– Сегодня девяносто пять килограмм собрал, – хвастался, Серёга Маркин.

– Ну, и что, а я девяносто восемь, – парировал Володя Фролов, тут зашёл Марс, гордо заявил: – Сто десять!

Они Мише не поверили, что в его школе, больше тридцати килограмм собирать – позор, норма шестьдесят, но если кто и собирает столько, то это значит, что он не собирается работать вообще ближайшие дня три. Расчёт был лишь в том, что на питание достаточно пятнадцать килограмм в день, и чтобы не брать деньги с родителей, вот эти пятнадцать и старались кое-как с землёй и пылью натягивать.

Другими словами для детей пролетариев было всё по пролетарски, не то, что для детей слуг народа из той элитной школы, где учился Михаил. При этом никто из пролетарских ребят ни на что не жаловался, все были всем довольны, даже хвастались друг перед другом о перевыполнении нормы, прямо стахановцы. А уехать на пару дней домой, то это было у них на уровне преступления, им даже болеть не разрешали.

Мишу встретили одноклассники хорошо, выделили ему на нарах почётное место, закидали вопросами:

– Как, где, почему?

Вечером, когда собрались у костра, что-то жарили на деревянных палочках, разлили портвешка по железным кружкам, травили анекдоты, пели песни. Михаил заметил, что Галина смотрит только в ту сторону, где был Марс Мансуров, и понял, что она к нему не равнодушна, а Мишу совсем не замечает, ему даже казалось, что все другие одноклассники были больше рады его приезду, чем она. Эта мысль давила и угнетала, но у него не было ни повода, ни желания выяснять отношения с Марсом, ни тем более с ней. Он видел, что тот к Галине не проявлял никакого внимания. Просто стало жаль её, – как несправедлива судьба к людям, – подумал он.

Жаль стало Мише и себя, но он понимал, что положение его безнадежно особенно сейчас, поэтому весь вечер довольствовался только тайным созерцанием милого сердцу образа. Он ни с кем не поделился тайной нежданной цели своего визита в их колхоз, а рано утром, когда ещё все спали, уехал. Вот так в его сердце и догорела столь долго тлевшая первая любовь, нет, не забылась, не исчезла бесследно, зарубцевалась ранка, готовая всегда вскрыться и разболеться.

Глава 2

Команда «Ураган», хоккей и дядя Ваня

Зима в том году выдалась морозная и снежная по Среднеазиатским меркам, даже лёд замёрз на прудах и речушках. Пацаны с утра и дотемна гоняли шайбу, Михаил со своей командой расчистил площадку перед гидроэлектростанцией, залили её водой, получился неплохой лёд. Все дни без усталости играли в хоккей, периодически принимали команды соперников то с Боз-Су, с Ак-Кавака, ходили играть к ним.

Сразу после Новогодних праздников к Мише пришёл дядя Ваня – ответственный за спортивно-массовую работу местного жилищного комитета и предложил команде принять участие в чемпионате города по хоккею. Через неделю Миша в полном составе свою команду «Ураган» вывел на площадку, подготовленную в районе центрального стадиона.

Команда «Ураган» без единого поражения заняла первое место, поэтому именно Михаилу, поручили сформировать сборную команду города, для встречи в товарищеском матче с командой «Заря Востока» – юношеской командой школы-интерната при Ташкентской команде профессионалов «Бинокор». В сборную Михаил взял только двух мальчишек из других команд своего города за то, что те хорошо бегали на коньках, остальной состав был полностью из его команды.

Подготовкой к матчу занялись очень серьёзно, особенно экипировкой. Во времена всеобщего дефицита и низкого благосостояния в его команде настоящие заводские клюшки и коньки были только у Миши и парня из другой команды, его звали Вовчик. Клюшки стругали и выпиливали из подручных материалов каждый себе сам, кто, на что был горазд. Вратаря – по имени Бати, капитан взял под свой личный контроль, собственноручно ему сделал из многослойной фанеры широченную клюшку, маску на заводе из арматурной проволоки сварил его отчим, точно как у Третьяка, – так оценили работу все ребята. Защитные наколенники и рукавицы из старого матраса сшила бабушка. Коньки – беговые ножи, привязали верёвками прямо к валенкам, шлем ему Михаил выделил собственный мотоциклетный. Костюм вратаря дополнил синий ватник огромного размера с дырами на локтях и спине, которые бабушка залатала зелёными латками. Бати со стороны стал напоминать чучело с огорода, но это никого не волновало, главное – он был надёжно защищён от травм. Остальные члены сборной города экипировались самостоятельно и выглядели «немного скромнее», чем вратарь. Коньки были у всех самые разные: снегурки, дутыши, какие-то с двойными лезвиями, старые рваные куртки, сапоги, валенки, ботинки. Короче, команда внешним видом напоминала республику «ШКИД» из известного фильма.

Настал долгожданный день хоккейной баталии с грозной командой из Ташкента. Команду из Чирчика привезли во дворец спорта «Юбилейный» на новеньком автобусе ПАЗ. В раздевалке Михаил обратился к команде:

– Ребята, нам сегодня предстоит играть на настоящем льду, с настоящей командой. Мы можем и не победить, но прошу всех не тушеваться, играть до конца с полной отдачей как всегда. Не опозорим наш славный «Ураган» и наш город! Порвала же наша сборная СССР Канадцев, и мы порвём, клянёмся! Клянёмся! – ответили все хором, лица засветились, в глазах ребят появилась решимость.

Дядя Ваня понял:

– Вот в чём сила этой команды, в силе духа, если они сегодня будут играть с той же одержимостью как на чемпионате города, то может произойти чудо.

Выехали на лёд: команда «Заря Востока» сияла и блистала, все игроки одеты в яркую жёлто-красную форму с иголки, коньки, шлемы хоккейные – всё настоящее, такое ребята из «Урагана» видели только по телевизору в чёрно-белом цвете, или в кинотеатрах в цвете в спортивных киножурналах и в печати.

При выезде на лёд команды Михаила, немногочисленные болельщики на трибунах дружно начали хохотать, свистеть и что-то оскорбительное выкрикивать. Действительно, зрелище было вполне комичное: с одной стороны стояла хоккейная команда, как с картинки, с другой – команда оборванцев. От комичного до трагичного – был один шаг. С одной стороны это могло вызвать улыбку, но с другой это обнажало нищету, в которой жил народ, большая его часть. Действительно, команда сборной Чирчика по хоккею выглядела как детдомовцы из республики «ШКИД».

– Спокойно, – скомандовал Миша.

– На трибуны не смотреть, не слышим и не видим их.

После положенных приветствий команды разъехались по своим сторонам, если так можно выразиться. Защитники «Урагана» и вратарь, падая, еле доковыляли до своих мест. Лёд был как стекло гладкий и твёрдый, какого они никогда не видели, а коньки были у всех плохо наточены. Даже у Миши, хоть он и точил свои дутыши напильником три дня, правый конёк с внутренней стороны был туповат, поэтому он при разворотах припадал на правую ногу, но по сравнению с другими, держался на льду довольно уверенно.

«Заря Востока» сразу пошла в атаку и на первой минуте забросила первую шайбу, «Ураган» перейти в контратаку не мог. Миша дал команду защитникам при приближении противника ложиться по периметру перед воротами и лёжа клюшками пытаться выбить шайбу. Обстановка выглядела комичной и безнадёжной, ребята держались стойко, но лёжа, а Михаил играл без замены весь первый период, носился как собачка, размахивая клюшкой, защищая свои ворота.

Перед очередным вбрасыванием Миша подъехал к бортику и попросил дядю Ваню:

– Надо срочно найти пункт заточки коньков, он где-то должен быть.

– Всё понял, – ответил дядя Ваня и поспешно убежал.

Скоро он вернулся, позвал капитана и доложил:

– Есть заточка, нашёл, давай ребят.

Миша по одному начал отправлять ребят точить коньки. Первый период проиграли три – ноль.

В перерыве Михаил наточил свои коньки и вратарю, на льду команда начала стоять более уверенно, капитан команды почувствовал себя вообще прекрасно, покатил легко, будто всю жизнь тренировался на этом льду, а играть он умел, не зря его прозвали – Харламов.

Во втором периоде, выиграв первое вбрасывание, Миша без особых усилий прошёл от центра через всю команду «Заря Востока» к их воротам один на один с вратарём, легко уложил его на лёд и вколотил первую шайбу. Игроки «Зари» сразу сосредоточили всё внимание на Михаиле и носились все за ним, но он поменял тактику, собрав на себя почти всю команду, он пасовал Вовчику и тот, летел к воротам «Зари» и забивал. Защитники «Урагана» тоже заиграли уверенней, отбирали шайбу, встречая противника перед синей линией, не давая войти в свою зону, дальние щелчки нападающих «Зари», вратарь Чирчикцев парировал легко.

Игра закончилась уверенной победой сборной города Чирчика, со счётом семь – четыре. Только одну шайбу смогли за два последующих периода забить им, так называемые профессионалы, республика «ШКИД» – семь.

Когда ребята шли из раздевалки к автобусу, то фанаты «Зари Востока» решили побить обидчиков. Их было человек шестьдесят, они выстроились перед автобусом. Но побить десять «ШКИДовцев», да ещё вооружённых клюшками и коньками – было утопией. Миша, оценив обстановку крикнул: – Олга!!! Сам первый кинулся вперёд, бесстрашно клюшкой и связан-

ными коньками руша перед собой одного за другим врагов, вся команда последовала его примеру, через несколько секунд поле боя было усеяно поверженными фанатами, те дрогнули и кинулись врассыпную. Воспользовавшись превосходством, команда Миши успешно загрузилась без потерь в автобус, тот сразу сорвался с места. Вслед полетели камни, даже разбили заднее стекло, Михаил просил водителя притормозить, чтобы преподать ещё один урок Ташкенту, но водитель был неумолим. Когда Дворец спорта «Юбилейный» остался далеко позади, Михаил попросил водителя:

– Может, сделаете кружок по Ташкенту, ребята хоть город посмотрят, а то живём вроде и рядом, а многие в столице ни разу не были.

– Родные мои, да за такой хоккей, который вы сегодня показали, да за честь и славу нашего Чирчика, которую вы не уронили, я хоть неделю готов катать вас по Ташкенту, а не то, что один кружок, – ответил седовласый водитель автобуса.

– Погнали, любуйтесь, – продолжил он.

– Суровый бой ведёт ледовая дружина,

Мы верим мужеству отчаянных парней,

В хоккей играют настоящие мужчины, – запел Михаил.

– Трус не играет в хоккей,

Трус не играет в хоккей, – дружно подхватила вся команда, дядя Ваня и водитель.

Так, горланя во всё горло известную песню, они потихоньку покатали по Ташкенту. Было около шести вечера, но зимой темнеет рано, поэтому город весь сиял сказочными неоновыми огнями. Проспект Шота Руставели украшали, ещё не убранные после празднования Нового года зелёные ёлки, мерцаая разноцветными огнями. Автобус повернул направо и выехал на площадь Ленина, памятник вождю мирового пролетариата освещался прожекторами во весь рост – выглядел монументально грандиозно. Справа проплыла гостиница Ташкент, с огромными гранитными колоннами, поддерживающими свод главного входа, напротив чуть в отдалении был виден фасад драматического театра имени Алишера Навои. Жаль, что зимой не работали фонтаны, и ребята не увидели блеск перепавших водопадных каскадов на площади Ленина и шары бьющих струй круглого огромного фонтана перед театром, которые при ночном освещении выглядят волшебно. Выехав к стеклянному зданию ЦУМа, снова повернули направо, потом налево и поехали к площади Дружбы народов. Огромную современную площадь украшали монументальные статуи фигур обозначавших тружеников и тружениц народов СССР, композицию венчало современное красивое здание Дворца Дружбы народов с очень эффектной подсветкой.

Когда подъезжали к железнодорожному вокзалу Михаил обратился с просьбой к водителю:

– Высадите нас, пожалуйста, у станции метро, ребята ни разу не ездили на метро, а потом заберёте нас на площади Горького на выезде из Ташкента.

– Нет, я не могу, – возразил водитель.

– Я поеду с ними, останови, – вдруг подал голос дядя Ваня.

– Они сегодня заслужили, – поддержал он просьбу Миши.

– Ладно, если ты поедешь с ними, Ваня, только смотрите, не бейте больше никого, – нехотя согласился водитель.

– Нет, что Вы, мы самые мирные ребята на свете, – пошутил капитан.

– Да, видел я сегодня, – какие вы мирные, весь асфальт в соплях и крови там остался, и зубы наверно, придётся кое-кому новые вставлять.

– Мы же защищались, – оправдывался кто-то из ребят.

– Молодцы, хорошо защищались, команда.

Автобус затормозил напротив станции метро около железнодорожного вокзала, с огромной светящейся красной буквой «М». Ребята с дядей Ваней спустились вниз на станцию, Миша разменял рубль в кассе и выдал каждому по пятаку, проинструктировал всех:

– Держаться вместе, не хамить, вести себя в метро тихо и скромно.

Все станции метро в Ташкенте очень красивые, отделаны лучшими сортами местного мрамора в национальном стиле, очень светлые и чистые. Поезд подошёл быстро, когда прозвучало:

– Осторожно двери закрываются, – все ребята были в вагоне. С таким ускорением, что закладывало уши, состав рванул с места и понёсся, нырнув в бесконечный лабиринт тоннеля. За окном свистел, разрезаемый вагонами воздух, ребят охватил восторг от впервые испытанного ощущения, они с радостью и любопытством разглядывали станции, которые проезжали.

– Следующая станция: «Площадь Горького», – прозвучало, будто приговор, в динамике. Хотелось ехать и ехать, но нужно было выходить, и ребята двинулись к выходу из вагона.

Автобуса на проезжей части ещё не было, все сбились в кучу и ёжились под колючим зимним ветерком, чуть пританцовывая, что бы согреться. Минут через пятнадцать напротив них остановился автобус, распахнув обе двери, ребята резво запрыгнули в тёплый салон, клацая зубами.

– Конечно, вы по прямой летели под землёй, а я каждому светофору кланялся, вот и замёрзли. Надо было вам пару станций в обратном направлении проехать, потом пересечь и ехать сюда, – оправдываясь за опоздание, проронил водитель.

До дома доехали быстро, светофоров на выезде из Ташкента было мало. Через полчаса они вышли из автобуса на родной улице в родном городе, поделившись немного впечатлениями, разбрелись по домам. Только двое ребят, что были приглашены в сборную из других районов, поехали дальше.

Утром следующего дня прибежал весь взмыленный и запыхавшийся дядя Ваня.

– Миша, срочно собирай свою команду, срочно, – начал он скороговорку.

– Едем в горком партии, нас вызывают, – выдавил он из себя.

– Зачем, почему ничего не знаю, но в три часа дня мы должны быть там, в кабинете двести два на втором этаже у товарища Аникина – второго секретаря горкома.

У Михаила после вчерашней игры болело и ныло всё тело, он сыграл все три периода без замены, руки все были в синяках, ехать куда-то совсем не хотелось. Но надо, так надо.

– Нет проблем, соберу всех, в два будем на остановке, устроит? – ответил Миша.

Ровно в два все ребята из команды «Ураган» собрались на остановке маршрутного городского автобуса, где их ждал взволнованный и взъерошенный дядя Ваня. Видно его убивала неизвестность, и он весь извёлся в догадках. Вопросы: «Что будет, за что, наградят, казнят?» – не давали ему покоя с утра.

– Выиграли... Должны похвалить, но подрались.... Но не мои же первые начали... А со стороны глядеть и мои... задираться начали не они, но бить начали они, да ещё побили, а у моих, даже ни одного синяка. Надо было себе синяк поставить на всякий случай, теперь поздно, вот дурак не догадался, – так рассуждал дядя Ваня (добрейшей души человек), пока ехали до центра.

Вышли на остановке с двумя названиями: «Ленина» и «Навои», так называли её потому, что слева была площадь «Ленина», а справа площадь и кинотеатр «Навои». Площадь «Ленина» с памятником Ильичу, была украшена огромными клумбами роз. В тёплое время года розы цвели с мая до середины декабря, а сейчас были обрезаны и присыпаны опилками, сверху припорошены снегом. Напротив автобусной остановки стояло двухэтажное здание школы, сталинской постройки, в которой учился Михаил. Вдоль всей площади слева тянулся красивый кованный из чугуна забор, отгораживающий внутренний двор школы. Площадь «Ленина»

заканчивалась широкой пешеходной лестницей, уходящей вверх метров на шестьдесят относительно нижнего уровня. Украшением лестницы служили широченные каменные перила с круглыми резными балясинами по обеим сторонам гранитных ступеней. Напротив лестницы наверху в ста метрах был мост через канал шириною метров сто пятьдесят. Высота моста, под которым летом неслась вода из горного Чаткала изумрудного цвета, было около восьми метров. Сейчас канал был покрыт тоненькой коркой льда, местами зияющий небольшими проталинами.

Пройдя через площадь, ребята поднялись по гранитной лестнице к мосту, с которого открывался красивый вид на верхнюю террасу центра города. Впереди вдали грациозно возвышался Дворец культуры «Химиков», фасад его по периметру украшали резные альковы, поддерживаемые высоченными огромными колоннами, почти такими, как в древнем Колизее. Слева стоял Дворец пионеров, он выглядел, как немного уменьшенная копия Дворца «Химиков». Справа, немного в стороне, спрятавшись за ровным рядом огромных чинар, стояло четырёхэтажное типовое здание горкома партии, поэтому оно не нарушало общую композицию, а вблизи смотрелось вполне прилично.

В горком команда и дядя Ваня вошли за двадцать минут до указанного времени, разделлись в гардеробе и поднялись по красным ковровым дорожкам на второй этаж в приёмную с блестящей медной табличкой: «Второй секретарь Чирчикского городского комитета КПСС тов. Аникин А. С.». Время до начала приёма ещё было, но их сразу пригласили в кабинет к товарищу Аникину.

Второй секретарь высокий статный мужчина, одетый, как положено его рангу, в приличный тёмный костюм, тёмный галстук и белую рубашку, сходу властно объявил:

– Наслышан... доложили мне про ваши подвиги, герои...

– Кто доложил? – судорожно подумал дядя Ваня.

– Велели наказать, – продолжил секретарь, – Но вот им... Тут он вытянул две руки с двумя кукишами в сторону противоположной стены, кому предназначались эти жесты ребята не знали, но поняли одно, что кому-то в Ташкенте, так как стена та была по направлению к Ташкенту. У дяди Вани немного отлегло на сердце, дышалось легче, и он понял, если и не наградят, то и сильно бить не будут.

– Тоже мне умники, где охрана, где их милиция была на ответственном матче? А? Я спрашиваю где? Умники...

– Не было охраны, милиции, – робко выдавил из себя дядя Ваня, будто он отвечал за эту охрану и снова пожалел, что не поставил себе фингал под глаз. Получалось, что он взрослый не защитил ребят.

– Ладно, забыли, к чёрту их всех, но это между нами. Дайте, я вас расцелую всех, – тут он подошёл и по-Брежневски расцеловал каждого игрока. Немного подумав, пожал руку и чмокнул дядю Ваню. Дядя Ваня окончательно и бесповоротно понял, что бить не будут и даже в тайне начал мечтать: – Может, наградят? Премия... грамота, а может... повысят в должности? – Его тайные мысли были прерваны – громким и утвердительным:

– Молодцы, всё правильно сделали и то, что надрали им задницу на льду, да и то, что морду им набили, пусть знают – наших. Тоже мне столичные штучки.

– Заболтался я, а жаль, что сам не поехал с вами, вот бы посмотреть как их вы там... Утёрли нос. Петрович, давай.

Петрович – мужчина в возрасте. Он всё это время, улыбаясь молча, стоял в стороне, и наблюдал с любопытством за происходящим в кабинете второго. Получив команду, начал из огромной коробки доставать подарки. Каждому игроку товарищ Аникин вручил по футболному мячу и футболке с трусами. Немного подумав, вручил такой же комплект и дяде Ване. Дядя Ваня понял: «Это всё... должности не будет... правильно, что не стал ставить себе синяк»... – и он начал от имени команды благодарить секретаря за щедрые дары.

А Миша стоял и думал: « На фиг нам столько мячей, нам бы коньки, да клюшки»...
– Капитан, а ты что молчишь? – прервал его Аникин.
– Спасибо, – ответил Михаил.

Глава 3

Галина, Валера, деревня

Зима в заботах и хлопотах пролетела быстро, Михаил почти забыл свои страдания о первой любви, свою поездку в колхоз и последнюю встречу с одноклассницей Галиной. Только иногда, редко вечерами в часы одиночества, где-то глубоко-глубоко в душе что-то щемило и шевелило память. В такие минуты, как считал он – минуты слабости, брал себя в руки, пытаюсь чем-то отвлечься, искал себе работу или занятие. Когда было совсем невмоготу, то он садился и писал стихи, потом наутро их сжигал, чтобы строки страданий, выплеснутые на лист не травили душу.

В конце марта Михаил на своём тёмно-бордовом мопеде проезжал мимо пожарной части напротив роддома. Навстречу шли две девушки, в одной из них он узнал сестрёнку одноклассницы его старшей сестры. Её звали Галина, сестра Миши прожужжала ему все уши про эту девочку, но он любил другую, поэтому словам сестры никогда не придавал никакого значения. Сейчас, как он считал, сердце его было свободно, и он другими глазами посмотрел на девушку. Да и та была уже не та маленькая девчонка с косичками, а красивая расцветающая девушка тринадцати лет. Миша, рассмотрев Галину, решил непременно познакомиться с ней.

Взяв с собою, на всякий случай – пару пацанов из своей команды, вечером они были в тот двор, где она жила, в надежде встретиться с ней. Она жила недалеко от их района, во дворе из четырёх отдельно стоящих кирпичных многоэтажных домов напротив роддома. Поэтому их район так и называли коротко: «роддом», даже иногда странно было слышать ответ на вопрос: «Откуда ты?» С роддома, – отвечали проживавшие там. Дома – по три-четыре подъезда были построены и заселены в конце шестидесятых почти одновременно, это был своеобразный анклав, окружённый частным сектором.

Многие ребята с «роддома» прекрасно знали и уважали Михаила, поэтому он рассказал им о цели своего визита. Оказалось, что в Галину давно уже был влюблён тайно парень из их двора Валера, его Миша не знал. Вот так они и познакомились, хотя первая мысль была драться, но по негласному правилу в городе считалось – позором драться за девочку. Девчонка сама была вправе выбирать себе парня, другое дело – защитить девушку, было делом чести. Но в данном случае встретились два парня влюблённых в одну девушку, но никто её не обижал и не оскорблял.

Так и началась их дружба – Валеры и Михаила, они решили добиться от неё ответа, но девушка, как оказалось в ближайшие дни, а потом и месяцы, не готова была дать им ответ. Наверно поэтому, не давала никакого ни да, ни нет, ни одному. Мало того, общение с ней у влюблённых парней началось только через подруг, лично с ними она даже разговаривать не пожелала. Как заявили по секрету девчонки – подруги её:

– Валера и Миша, вы оба ей нравитесь, но она пока не знает кто из вас больше.

Ситуация складывалась комично-трагической, весь двор наблюдал за двумя влюблёнными парнями, сочувствовал им и ждал с интересом и нетерпением развязки этого странного романа. Все им помогали, как могли, передавали цветы, которые те приносили каждый день, но дарили их, как общий букет от обоих, записки с предложениями – погулять, отправлялись тоже общие от двоих. Гуляли: до-смешного так же, она спереди с подружками, они на удалении сзади вдвоём и так почти каждый день с марта по июнь. Самое удивительное в дружбе двух влюблённых соперников было то, что любовь к одной девушке не разъединяла их, как обычно бывает, а, наоборот, с каждым днём укрепляла их дружбу. Они настолько сдружились, что дня не могли прожить друг без друга. Вечерами, проводив Галину после прогулки, они допоздна

сидели вдвоём и расхваливали достоинства своей любимой, недостатков её они не замечали и были оба уверены, что их и не было.

Михаил по характеру был менее терпеливым и выдержанным, чем Валера. Может поэтому, а может потому, что он мужскую дружбу ценил выше, чем любовь и шуры-муры, но однажды сидя на скамеечке, проводив Галину он заявил:

– Валера, ты мне друг, поэтому как в той песне, – уйду с дороги, таков закон, третий должен уйти. Наступила пауза, Валера долго думал. Казалось это – то о чём мечтал, но дружба их с Михаилом настолько окрепла, что он не мог уже принять такой жертвы.

– Это не правильно, Галина не дала ответа, а если она любит тебя больше? – начал Валера свои рассуждения.

– Вдруг ты уйдёшь, а мне она скажет, что я ей не нужен, нет, мы должны добиться сначала от неё ответа.

В таком русле они спорили ещё долго, но, в конце концов, – опять гуляли в двух метрах сзади, букет цветов один дарили, кормили её ворованной черешней и клубникой, передавая свои дары ей через подруг.

В конце июня Галина с родителями куда-то уехала на два месяца, влюблённые от отчаяния не знали чем заняться и куда деться, поэтому тоже решили уехать – куда глаза глядят. Глазам их особо и глядеть некуда было, из пионерского возраста они выросли, а до взрослого – ещё не доросли. У Михаила в Пензенской области в селе жили родственники, где он проводил каждое лето не меньше месяца, поэтому он предложил Валере поехать с ним, как он выразился:

– В глушь, в деревню.

– Давай, Валера, поехали, мои тётки будут рады, я два года у них не был, – сказал он.

– Я с удовольствием, если мать отпустит, – так они и порешили.

Вера Ивановна – мама Михаила по благу, а только так можно было тогда купить билеты, купила им два в купейном вагоне на поезд Ташкент – Москва. Через пять дней они оба уже лежали на верхних мягких полках и созерцали пейзаж пустыни.

Валера первый раз в своей жизни ехал в поезде дальнего следования, поэтому ему особенно нравилось их путешествие полное загадок и романтики.

– Интересно, а где сейчас Галина, может тоже сейчас в поезде где-то едет, – начал рассуждать Валера.

– Заткнись, о ней ни слова, всё отпуск, не трави душу, отдыхаем, – оборвал его Миша. Хотя честно, но он, глядя в потолок вагона, думал о том же, о ней же.

– Вон посмотри, – повернувшись к окну, сказал он, – верблюд, вон ещё два.

– Точно верблюд, а кибитки, какие у них убогие, ужас, – отозвался Валера.

За окном вагона пустыня потянулась, как монотонная песня акына, кругом пески и пески, местами ровные и гладкие, а местами волнистые барханы. Растительности почти никакой, даже перед редкими кибитками отдельных селений, только иногда торчали пирамидальные тополя, а в пустыне редкие колючки и саксаулы. Вдоль железной дороги часто попадались деревянные решетки, похожие на деревенские заборы.

– Для чего тут заборы? – спросил Валера.

– Это не заборы, это барьеры для удержания снега зимой и песков от заноса железной дороги, – пояснил Миша в меру собственных познаний.

– А рельсы, уложенные вдоль дороги зачем?

– На случай ремонта, чтобы не пришлось везти их за тысячу километров в случае необходимости замены.

– А что партизаны взрывают, – не унимался Валера.

– Сам ты партизан, всё когда-то изнашивается и ломается и чтобы ты не загремел со второй полки, их меняют заранее.

Пейзаж почти не менялся до самой темноты, в Кызыл Орде на перроне шла бойкая торговля, хотя было уже поздно. Это был самый большой поезд, проходивший через их станцию, и торговцы ждали его. Было очень много рыбы: вяленая, копчёная, маленькая и большая, балыки холодного копчения столь аппетитно пахли, что не купить кусочек у пассажиров поезда не было сил. Кроме рыбы продавали фрукты и овощи.

– Пошли, надо кое-что купить нам, – сказал Миша не один раз, проезжавший через эту станцию с родителями. Они всегда здесь покупали в подарок родственникам рыбу вяленную и копчёную. Овощи и фрукты – как правило, они брали ещё в Чирчике, укладывая их в решётчатые специальные ящики, которые покупали там же на базаре, а вот рыбу всегда здесь.

– Почём сазан? – спросил Михаил.

– Ты, чё? Пятёрка, ни копейки больше, – как опытный знаток своего дела начал он торговаться, – ну, не хочешь я пошёл...

– Стой, ладно, – пять, возьми ещё лещей за три, – соглашался хозяин сазана.

Оценив лещей, Миша согласился, расплатившись за рыбу, он отдал Валере её:

– Иди, отнеси в вагон, а я куплю кое-что ещё.

Тут он увидел торговку с большим тазиком, плотно закутанным в какие-то тряпки, торговка бежала к составу, видно запоздала с приготовлением своего блюда. Михаил знал, что в тазике у неё горячие очень вкусные манты с разной начинкой, какие могли готовить только здесь в Кызыл Орде, даже в Ташкенте, он таких вкусных никогда не ел. Особенно ему нравились манты с тыквой, он крикнул:

– Апа, давай сюда, много возьму.

Старая казашка, сделав резкий разворот градусов на шестьдесят, резво кинулась на клич Миши.

– Манты, тыква, мясо, десять копеек штука, – объявила торговка.

Он не обманул, взял у неё десять мантов с тыквой и десять с мясом, отправился в свой вагон. На станции объявили отправление:

– Скорый поезд номер двадцать пять, сообщением Ташкент – Москва отправляется с первого пути, будьте осторожны.

В динамике зазвучала мелодия «Прощанье славянки».

– Мелочь, а приятно, – подумал Михаил.

– Почему в Ташкенте не включают на вокзале музыку?

Проходя по вагону, он заглянул к проводнику и попросил:

– Будьте любезны, – два чая в пятое купе.

Прошёл к себе, Валера был на месте.

– Ты где так долго был, я уже начал волноваться, объявили отправление, а тебя всё нет, – причитал он.

– Спасибо за переживания, ты настоящий друг, но за меня не бойся, я много ездил на поездах и никогда не отстану, главное не уходить далеко, особенно, если поезд не на первом пути. Его может отсечь другой поезд, тогда проблема добраться до своего, лезть под вагонами или бежать по кругу. Второе, внимательно слушать сообщения диктора, особенно, когда длительная стоянка, чтобы не расслабиться. Будешь выполнять эти правила, не отстанешь.

На всякий случай, отвечая, он учил Валеру, впервые, ехавшего на поезде дальнего следования.

Поезд уже набрал полную скорость, колёса равномерно отстукивали свою дробь – тата-та, тата-та, когда в купе вошёл проводник и принёс, заказанный Михаилом чай.

– С вас восемь копеек, – сказал проводник, поставив стаканы с чаем на стол.

Стаканы из тонкого стекла были в металлических медных подстаканниках, украшенных каким-то Ташкентским пейзажем, вернее – картинкой строения, наверно, видом здания железнодорожного вокзала.

Михаил по-барски выдал десять копеек, при этом скромно добавил:

– Сдачи не нужно, большое спасибо.

– Рахмат, кушайте на здоровье, – удаляясь, промолвил проводник.

Михаил достал, купленные у старой казашки манты, выложил их на тарелку из-под графина с водой, стоявшего на столике.

С ними в купе до Москвы ехали ещё два мужчины средних лет, поэтому Миша пригласил их тоже присоединиться к их столу. Те вежливо стали отказываться, но Миша с присущим среднеазиатским радушием и гостеприимством настоял:

– Вы манты главное попробуйте, нигде больше таких вкусных, вы не найдёте.

Мужчины, поддавшись столь убедительным доводам Михаила, согласились, достали к столу от себя огромный кусок балыка из сома холодного копчения. Все сели пировать. Вскоре заказали ещё чая. За окном была крошечная тьма, такая, какая бывает, наверное, только в пустыне, когда не светит луна. Поезд, продолжая отстукивать ровную дробь, чуть покачиваясь в такт этому ритму, со стремительной скоростью летел вперёд.

Утром, когда солнце было почти в зените, Михаила разбудил восторженный голос Валеры:

– Просыпайся, соня, смотри: какая красота, обалдеть – какие берёзы, сосны, как на картинках. Вот это да, ёлки-палки, – продолжал восторгаться он.

Вчерашний пейзаж унылой пустыни сменился на красоту русских лесов и степей Оренбуржья. То тут, то там за окнами проплывали смешанные зелёные леса со стройными, как невесты, берёзками, с упирающимися в небо высоченными соснами, а порой виднелись могучие дубы великаны. Между лесами просматривались бескрайние колосающиеся поля озимых. Вчерашние серые убогие кибитки сменили деревянные дома сёл и деревень, украшенные резными ставнями и наличниками всевозможных цветов. Маленькие речушки и пруды дополняли красивейшие пейзажи русской глубинки. Поезд ехал гораздо медленней, чем ночью, когда он стрелой летел по пустыне, остановки на разъездах стали чаще и дольше.

Попутчики сидели внизу, и пили чай, один из мужчин, как бы оправдываясь, весело сказал:

– Проснулись, орлы, мы вас не дождались, уже проголодались, – завтракаем, давайте присоединяйтесь, милости просим – к нашему столу.

– Приятного аппетита, – чуть не хором ответили ребята.

– Не ждите нас, кушайте, нам ещё умыться надо, – добавил Миша, спрыгивая со второй полки, за ним последовал Валера. Взяв полотенца, они двинулись в конец вагона, где был открыт единственный туалет, в который и стояла огромная очередь. Почему-то в семидесятые и восьмидесятые годы в поездах дальнего следования было принято – открывать только один дальний туалет от проводников. Может потому, что люди были настолько привыкшие к очередям, что мало кто этим фактом возмущался, а проводникам было это на руку. Один туалет убирать же легче, да и у самих под боком – персональные, а не общего пользования удобства. В те времена проводники чувствовали себя не обслуживающим персоналом, а скорее начальствующим составом вагона. Справедливости ради сказать – были разные: и добродушные и злые, приветливые и безразличные ко всем и всему. В вагоне, где ехали ребята проводники были средние, как оценил бы их Михаил. Они не ворчали на пассажиров, обслуживали, но не навязывались с услугами, периодически делали уборку в вагоне, но второй туалет не открывали.

Попутчики, закончив утреннюю трапезу с интересом сидели – разглядывали стопку журналов, газет, предложенную им для выбора немymi. Немые – это особое явление, которое было и по сей день живёт в поездах дальних и ближних. Они носят всякое чтиво, раскидывают стопками по разным купе, потом возвращаются и на пальцах показывают пассажиру сумму за понравившиеся экземпляры. Вообще, Миша не верил, что они немые, хоть ни разу не видел и не слышал, как они разговаривают. Он думал, что просто им так удобнее общаться с покупа-

телями, не надо отвечать на глупые вопросы типа, – Почему так дорого или откуда это у вас? Немые иногда предлагали и клубничку: журнальчик заграничный или колоду карт порно.

Миша тоже глянул периодику, предложенную для выбора, взял себе журнальчик «Нева», он толстый, хватит и на обратную дорогу, и в нём можно было почитать интересные рассказы и стихи. Через минуту немой появился на пороге купе, каждому показал столько пальцев, на сколько – тот выбрал, а это означало рубль, два рубля, три. Дробей и копеек немые не знали, может, не изучали никогда, или просто, мелочиться не хотели. Главное не они, ни с ними никто никогда не торговался, может, не умели по немому говорить пассажиры или в поезде никогда мелочные люди не ездили, – к таким выводам пришёл Миша, углубляясь в свои наблюдения и рассуждения.

За чаем пришлось топтать самим, чтобы долго не ждать, проводники с утра не успевали разносить всем желающим. Хоть и солнце стояло высоко, но пассажиры не спешили рано просыпаться. У кого – отпуск, у кого – командировка, но все после трудовых будней на земле, многие считали своим долгом вдоволь отоспаться на колёсах, да и очередь в туалет. А спали столько, сколько могли осилить. Некоторые за двое суток умудрялись проспать по сорок шесть часов. При этом они с гордостью говорили, что, если чай не пить, то могли проспать и сорок восемь. Это ж надо – как устали эти люди, наверно, много работали.

Мама Миши напекла ребятам в дорогу целую кучи пирожков с капустой, картошкой, вкуснейших в мире пирожков. С мясом в дорогу она боялась давать детям пирожки, в поезде жарко, мясо быстрее портилось, чем капуста и картошка. Но и эти она наказала им съесть в течение суток, поэтому пирожки надо было уничтожать, а то они станут опасными для здоровья. Осилив кое-как с помощью спутников по купе половину запаса пирожков, ребята забрались наверх на свои полки и принялись с удовольствием созерцать, мелькающие за окном картины дивной русской природы. Большой ближайший город Оренбург будет ещё нескоро, только ближе к вечеру, а всего ехать ещё почти сутки.

– Миша, а в деревне, куда мы едем речка большая? – спросил Валера.

– Мы едем не в деревню, а в село, село большое, райцентр, а речка там маленькая, – объяснил Миша.

– А какая разница между селом и деревней, село больше, чем деревня?

– Нет, бывают деревни больше, чем некоторые сёла, но раньше в селе была обязательно церковь, а в деревне не было, вот и вся разница.

– А в вашем селе есть церковь сейчас?

– Была когда-то, сейчас там почта, – ответил Михаил.

– Значит, мы едем в деревню, – съязвил друг.

– Называй моё село, как хочешь, но для меня роднее уголка, чем эта деревня в мире нет, я там родился, вся моя родня там живёт, а в Узбекистане только родители и друзья.

– А зачем тебе церковь, Галина с тобой сюда венчаться не поедет, – съязвил теперь Михаил.

– Это почему не поедет?

– А там вам обоим моя родня глаза выцарапает, как узнает, что ты у меня девушку увёл, и космы вырвет, так что успокойся, довольствуйся наличием ЗАГСа в твоём родном городе.

– Во-первых, ещё не известно: кто и кого у кого увёл или уведёт, но если повезёт тебе, то моя родня в моём городе никогда тебя не тронет. Я лично тебя буду охранять в нашем ЗАГСе, клянусь, – торжественно произнёс Валера.

– Да ты что, брат, я шучу, а ты всерьёз, вот возьму и срочно женюсь на ком-нибудь в своей деревне, чтобы тебя успокоить лишь бы.

– Женилка ещё не выросла, – Валера, обидевшись, отвернулся к стене и принялся делать вид, что читает журнал.

Видно, услышав разговор ребят, желая их помирить, один из командировочных мужчин подал свой голос:

– Ребята, я случайно услышал, что вы из Чирчика?

– Да, – одновременно ответили два друга.

– Мы были в вашем городе в командировке, там итальянцы строят завод «Капролактам», слышали про такой? – продолжил он.

– Конечно, слышали.

– Так вот, это новое предприятие по современным технологиям совершенно безопасно, но у вас уже есть огромный химический комбинат. Мы считаем, что для одного города с населением в двести тысяч два мощных химических производства многовато. Мы подготовили предложения по установке очистки выбросов химического комбината, и если нас не уволят за наши предложения, то всё будет хорошо, а если наши предложения кинут под скатерть, то не знаю... – зачем-то раскрывал правительственные тайны он им, он сам не знал. Может для того, что как то хотел помочь городу, чтобы хоть через кого-то довести информацию до населения об угрожающей опасности, не в силах сделать это официально.

А просто, может, ему хотелось спасти хоть этих двух отличных ребят, угощавших их незнакомых москвичей мантами и пирожками с таким искренним восточным радушием русской души? Он знал одно то, что сейчас, раскрывая государственную тайну о том, как медленно там травят население, выдавая на-гора тонны удобрений, пороха и тротила, он совершает преступление, но считал большим злом травить народ и ничего не делать.

Его напарник вроде во всём его поддерживал, но сейчас благоразумно молчал, хотя доклад и расчёты они готовили вместе. А ведь в тридцать четвёртом, именно его отец, известный учёный химик, строил этот химический комбинат в Чирчике. Правда, сын его не помнил, в пятьдесят первом, его отца расстреляли за вредительство. Вредительство заключалось в том, что известный учёный предлагал очистные установки для выбрасываемых в атмосферу вредных веществ химическими производствами. Сейчас схемы этих установок используются во всём мире. А тогда в НКВД решили, что профессор хочет разбазарить народные средства, пытаясь ослабить мощность производства пороха, тротила, отравляющих веществ. Как пособника империализма, шпиона десяти разведок капиталистических стран, именем... приговорили к расстрелу, приговор привели к исполнению немедленно.

Сейчас, конечно, времена другие, но самодуров на любом уровне хватает во всех министерствах, если раньше НКВД боялись, то сейчас коллеги прикрывшись партийными лозунгами любое святое начинание, так закатают по кабинетам, что хуже любой лубянки. Там хоть в архивах найти ещё что-то можно, в коридорах и лабиринтах бюрократии всё пропадает бесследно.

– Я много раз был в горах, в Акташе есть вершина – «Святой Ишан», вот с этой вершины за пятьдесят километров виден «лисий хвост». Так у нас в городе называют рыжий след от дыма, идущий из самой большой трубы на химическом комбинате, а ещё у нас в городе часто чувствуется сильный запах аммиака, – рассказал Миша.

– Правильно, от этой трубы много вреда, но ещё больше вреда от труб дым которых, вы не видите и запаха не чувствуете. Кое-что делается и уже сделано, но так мало, к сожалению, поэтому, работая на Капролактаме, мы подготовили предложения и по Химпрому. Но население города тоже не должно дремать, а требовать... Впрочем, что я говорю... Может, когда вы подрастёте, что-то изменится... – на этом разговор на эту тему закончился.

Было видно, что напарник этого мужчины всё время внимательно слушал, порой казалось, что даже пытался сказать что-то своё, но сдерживал себя. Ребята ничего не знали ни про его расстрелянного отца, ни про то, что именно его отец принимал активное участие в строительстве Чирчикского химического комбината в далёком тридцать четвёртом. Вслух им это никто не рассказал.

В обед доели пирожки с балыком из сома, балык был солоноватый, или в поезде было очень жарко, но очень хотелось пить, а холодного ничего в вагоне не было. Когда, наконец, остановились в Оренбурге, Миша бросился искать прохладительные напитки. В привокзальных киосках выбор был невелик, какая-то минералка и лимонад «Буратино», да и те тёплые. Так что он вернулся ни с чем и грустно сообщил Валере:

– Будем стойко переносить тяготы и лишения нашего путешествия, – только он это произнёс, как появилась женщина, катившая тележку с мороженым.

Не успела она открыть рот, как Михаил был уже возле неё, за ним моментально выросла очередь в полсостава. Кроме мороженого, в тележке были бутылки с холодным «Крюшоном». Миша взял весь ассортимент, имевшийся в наличии в тележке: всё и всего по четыре, по количеству пассажиров в их купе. Его попутчики стояли и курили какие-то вонючие сигареты с фильтром у входа в вагон. Михаил предложил добытое им мороженное и крюшон, мужчины согласились взять, но при условии, что не бесплатно, спорить было бесполезно, да и мороженное начинало на жаре таять, хоть уже и вечерело, но на перроне было не намного прохладнее, чем в вагоне. Висевшее впереди над локомотивом солнце, ещё ярко светило своими лучами вдоль перрона и слепило глаза.

Глава 4

Саня, тётя Нюра и родное село

Утром в Пензу поезд прибыл точно по расписанию, друзья стояли у окна и молча наблюдали, как мимо них медленно проплывало здание вокзала. На перроне Миша увидел своего двоюродного брата Саню, огромного верзилу, который заметив Михаила в окне мимо медленно проезжающего вагона, кинулся вслед бегом, смешно расставляя свои кривые ноги. Он бежал, не отрывая взгляда от окна, как бы боясь потерять брата, поэтому не замечал стоявших на перроне людей и просто сносил их со своего пути своим богатырским телом. Те молча отскакивали в сторону, не возражая и не возмущаясь. Когда через метров двести состав остановился, он стоял в первой шеренге встречающих прямо напротив выхода из вагона, вытягивая зачехлённую шею, хотя был и так выше всей толпы. Мише он не дал даже выйти из вагона, с диким пронзительным криком:

– Братан!!! – схватил прямо со ступеней вагона Михаила вместе с чемоданом, связками рыбы в охапку и начал тискать, подбрасывать его вверх как пушинку. Ситуация становилась опасной для здоровья Миши, поэтому тот взмолился настолько громко, как ему позволило его, сдавленное в крепких объятьях, далеко не гигантское тело:

– Саня, умоляю, выпусти, задушишь, идиот... – Саня приспустил брата на землю, но продолжил обнимать, его лобызать и что-то на радостях невнятно произносить в виде приветствия:

– Брат, родной... приехал, соскучились все. Ты чёрт, сколько лет? Забыл нас, сволочь, мы ж тебя так любимым, а ты гад... Чай, Родина здесь твоя, – вот так выражал свою безграничную любовь к своему младшему двоюродному брату этот увалень. Он не скупился в ласкательных эпитетах таких, как гад, сволочь, вряд ли эти слова можно было перевести внятно иностранцу, но любой не русский, наблюдая эту картину настоящей братской русской любви со стороны, непременно бы, пустил слезу умиления. Саня был на шесть лет старше, три года, как вернулся из армии, где прослужил год. Он служил пограничником на Дальнем востоке, получил там контузию и сильные обморожения во время китайско-советского конфликта на Даманском, почти год провалялся в госпитале и был комиссован.

– Ну, дай я тебя ещё обниму, – снова начал Саня.

– Нет, уж, хватит, лучше я тебя – вскричал в испуге Михаил, ещё не придя до конца в себя после первых восторженных объятий брата. Осторожно, готовый отпрыгнуть, обнял Саню:

– Здорово, братан, я тоже скучал. А это – мой друг Валера, познакомьтесь.

Саня тут же без церемоний схватил Валеру, несколько раз подбросил, промолвив торжественно:

– Друг моего брата – мой друг, а я Саня! Поставил его на землю, сгрёб все вещи, что были у ребят в охапку и скомандовал:

– За мной, машина там, – указав подбородком в сторону вокзала, Саня уверенно двинулся сквозь толпу приехавших, встречающих и провожающих, расчищая грудью друзьям путь, они обескураженные засеменили за ним на привокзальную площадь.

Саня приехал на райкомовском «козлике», на котором работал личным водителем большого по тем меркам того времени начальника, курировавшего выполнение районом государственных планов по выращиванию продуктов животноводства и растениеводства. Коротко – райкомовский крючок по сельскому хозяйству.

Загрузив ребят и вещи в машину, Саня лихо рванул с места, через пятнадцать минут они уже ехали по бескрайним и удивительно красивым сельским просторам. Саша свой край любил не меньше, чем младшего брата. Михаил, родившийся в этих местах, знал здесь каждый

лесок и поле, но каждый раз, встречая его, брат по дороге вновь и вновь начинал показывать и рассказывать Мише все прелести малой Родины.

Миша его слушал, не перебивая, с удовольствием, как соскучившийся блудный сын по своему родному краю, он готов был выскочить от восторга из машины, упасть в это русское поле, в рожь и часами просто лежать и слушать дыхание родной земли, пение птиц. Готов был смотреть и смотреть на это всё такое близкое и дорогое его сердцу, потому рассказы Сани для него были, как бальзам на душу.

Михаил глянул на Валеру, который тоже восторженно созерцал с замиранием сердца проплывающее великолепие за открытыми окнами автомобиля. Мишу переполняла гордость за своего брата – настоящего русского богатыря, будто сошедшего с былинной картины, за леса и поля его Родины, захотелось тоже хвастать и восторгаться, но дыхание перехватило, и слова не шли наружу.

Душа Валеры была переполнена схожими чувствами. Сам он родился и вырос в Узбекистане, его предки там осели ещё до войны, поэтому все родственники, кого он знал, жили там же, но он почувствовал нутром, что корни его тоже здесь где-то.

Дед его был из-под Тамбова, его сослали с семьёй в двадцатые в Узбекистан после подавления большевиками крестьянского восстания в Тамбовской губернии. Он погиб во время Великой отечественной под Киевом. Отец Валеры работал шофёром в Чирчике, Валера был совсем маленьким, когда тот разбился во время аварии. Вот так получилось, что корни Российские были утеряны его семьёй. По материнской линии картина тоже была не лучше, маму его привезли совсем маленькой трёхлетней девочкой во время эвакуации вообще одну, она не помнила ни откуда она, ни кто её родители. Помнила одно, – поезд бомбёжка, детский дом.

Валера повернулся к Михаилу:

– Спасибо тебе, братан, не знаю: когда бы я смог попасть на Родину. Знаешь, странно, но вот я всю жизнь прожил в Узбекистане, редко о России думал, а вот увидел её и сердечко защемило. Понял, что я русский.

Вдали показалась АЗС, одиноко стоявшая на дороге, обрамлённой справа густой зелёной посадкой, а слева открытым огромным полем, колосющимися посевами, созревающих хлебов. Перед АЗС Саня повернул налево, и через несколько секунд впереди слева показалось село. Родное село Кондоль, где родились Саня и Михаил с разницей в шесть лет, село, где Саня провёл всю свою жизнь, а Миша возвращался в родные места с далёкой чужбины с годами всё реже и реже.

Справа и слева стояли постройки ДРСУ, ПМК, ещё поворот налево и уже ехали по главной улице села, перед мостом метров за двести, повернули на родную улицу Сани. Не доезжая до родительского дома метров триста, Саня на всю мощь начал давить на клаксон, как принято в свадебных кортежах, тем самым оповещая всех и вся, что к Сане Комиссарову брат приехал. Рёв был на всю округу такой, что невольно люди начали выходить на улицу, а Саня, с довольной улыбкой, высунувшись в окно, махал всем рукой, продолжал давить локтём второй руки на сигнал, распугав всех собак, кошек и гусей, чинно гулявших по улице. Подпрыгивая резво на кочках и ямах, Газик, лихо развернувшись, притормозил у дома. Тётя Нюра и дядя Коля уже стояли у крыльца, они сразу поняли, услышав рёв сигнала, что это подъезжает их бесшабашный сын и от радости, что везёт брата и их племянника, готов не только всю округу, но всю область поставить на уши.

Тётя Нюра первой кинулась обнимать Мишу и как то принято у женщин – разревелась, целуя его. Тётя Нюра – это родная сестра мамы Михаила, была очень похожа на свою младшую сестру Веру. У них в доме висел портрет тёти Нюры в молодости, так Миша с Саней один раз чуть не до драки в детстве поспорили: чья это мать? Миша, конечно, был не прав, но на всякий случай он Сане из рогатки врезал чуть не в глаз, правда, бумажным снарядом. За то был бы бит и сильно, будь он побольше, но за свой малый рост и глубоко ещё детский возраст, получил

от Сани только хороший пинок под зад. Саня пострадал больше, сей момент был замечен дядей Колей и не остался без должного отчего внимания и хорошей порки. Аргументы: мол, Миша сам виноват, во внимание приняты не были. Это был единственный и последний раз в жизни, когда братья поссорились.

Дядя Коля стоял молча сзади в очереди за своей долей объятий. Наверно, из солидарности с Анкой, (как он звал свою жену) – тоже пустил скупую мужскую слезу. Дождавшись, пока тётя освободила племянника, сам схватил его в объятия, и как Саня на перроне начал его с силой тискать, трясти и целовать. А сила у Камедрила (так все дядю Колю звали в селе), была ещё – та, Саня был здоров в отца, но ростом крупнее его.

Как положено, было в селе при прибытии дорогих гостей, вечером дома у тётки Нюры собралась вся ближайшая родня отметить сей радостный праздник. Пришли тётя Маруся – старшая сестра мамы Михаила, её муж – дядя Лёня, Володя – их сын, он был старше Михаила на двенадцать лет, а так же жёны Сани и Володи – обе Люси. Не было только бабушки Поли, тётя Нюра объяснила, что бабушке нездоровится, старенькая стала совсем, и никуда уже не ходит, но по дому всё делает сама.

Старший брат Володя и Саня, хоть и жили рядом, но между собой почти не общались, почему? Никто не знал, не знали и они сами, может из-за разницы в возрасте, каждый жил своей жизнью. Михаила они любили оба, относились к нему по-братски, и ему говорили оба, что он у каждого единственный брат.

Запахло жареной картошкой с луговыми опятами так ароматно, что перехватывало дух. Тётя Нюра знала, что Миша обожал опята, поэтому, как только рассвело, пошла на луг к маслозаводу и набрала там грибов целую корзину. Стол ломился от нехитрых, но таких вкусных деревенских деликатесов. Все с собой принесли кое-что из личных запасов, тут был и копчённый в печи гусь, приготовленный дядей Лёней, холодец, сваренный накануне Люсей – женой Сани и непременно соленья и варенья в изобилии. Конечно, как неизменный атрибут на русском столе присутствовало несколько бутылок белой. Так в селе называли водку, а виноградное вино – красно.

Все были бесконечно рады приезду любимого племянника и брата, засыпали вопросами ребят о Чирчике. Они все бывали там, в гостях у своей любимой младшей сестры и тётки, поэтому непременно хотели знать всё:

– Как там труба всё дымит? – интересовался дядя Коля.

– Дымит, отвечали ребята.

– А арбузы поспели? Вина много сделали прошлый год? – спросил Саня, уминая привезённую ребятами рыбу. Ему казалось: ничего на свете кроме рыбы не надо, поэтому он ел её с таким удовольствием, что мурлыкал, как мартовский кот.

– Нет, арбузы ещё не поспели, в августе. Но черешня и кишмиш уже есть, полно, – проинформировал Дима.

– А вино то, чай делали? – напомнил Володя.

– Конечно, полная кладовка, я не считал сколько, – сказал Дмитрий.

Тут Саня с Володей начали хвастать: сколько смог кто из них, за один присест выпить домашнего вина в Чирчике. Их прервала тётя Нюра:

– Хватит вам, балаболы, лучше расскажите: как вас потом тащили до постели, а то разошлись, богатыри. Вон – Камедрил и то молчит, стыд имеет, чай. А вы... Что б ещё вас с собой в Чирчик мы взяли... Срам один, долдоны чёртовы.

Выслушав её, Саня с распевным говором парировал:

– Ла-одно, тебе, мать, чай брат приехал, а ты руга-ашься, вон Валера что подумат?

Михаилу так нравились особенности говора людей с его родины, что каждый раз приезжая в родное село, он наслаждался этой неторопливой и распевной речью, в тоже время с упрощённым произнесением глаголов. Обычно никто не утруждал себя произнесением в конце

глагола буквы «Е», поэтому такие слова, как подумает, сделает, сбегает, произносились сельчанами, как подумат, сделает, сбегат, а слово: бывает, как бывает. А это – утвердительное: «Чай», было универсально и ставилось как в начале, так и в конце предложения, вообще вызывало умиление. Ещё он замечал, что пообщавшись с земляками два три дня, сам непроизвольно переходил на родной говор.

– Робят, можь, хоть красненького по маленькой вам налить, а брат, – обратился к ребятам Саня.

– Не приставай, как гоже, что робята не пьют, эт вам лишь зенки залить, вон какой у Веры сын молодец, и учится хорошо, не пьёт, чай как она рада, – отшила Саню тётя Нюра, тут же, как испугавшись, что сказала что-то не то, с нежностью добавила:

– Можь и правда, робят, налить красного вам, чай уж большие.

– Нет, спасибо, мы кваску, – на радость тёткам ответил Миша.

Скоро гулянка подошла к песенной стадии, тётя Нюра с тётей Марусей затянули любимую Верину: «...для тебя я ночами вязала...», песню подхватили сначала женщины, а к последнему куплету и мужчины.

– Верунька, наша мила, где ты? – размахивая руками, со слезами начал причитать дядя Коля, как допели последнюю строчку песни. Это было последней каплей, все женщины хором разревелись, причитая каждая своё:

– Мила наша... Родненькая... Куда ж тебя занесло... Чаго здесь не жилось? Ведь всё было и сами были не последние, и Васька и ты сестрёлка в начальство выбились... Нет, этот черт увёз вас... – и опять слёзы, у Миши всегда сжималось сердце при виде такой картины. Даже, если Вера была сейчас здесь с ними, то всё было бы точно так же. Как только спели песню «Оренбургский платок», все бы обязательно разревелись, а младшая ревела бы с ними вместе. А сейчас матери рядом не было, и Миша почувствовал себя виноватым в происходящем, дабы прервать грустную нотку он сказал:

– Дядя Коля, тащи балалайку, давай лучше весёленькое споём, Саня не спи, наливай.

Так немного он разрядил обстановку, тётя Нюра заулыбалась, глядя на Михаила и командовала:

– Наливай, чай радость у нас сегодня, а мы дуры разревелись, у Веры там сердце разрываться, небось. А ты чёрт, чалдон, чаго расселся, тебе ж сказали – тащи свою балалайку, а то раскалякались тут.

Камедрил послушно удалился за инструментом. Выпили, снова запели, но теперь с задором что-то весёлое.

– Спасибо, наелись, напились, мы на улицу пойдём, а то нас ребята, небось, заждались, я их тоже два года не видел, бабушку утром проведу – обратился к собравшимся Михаил.

Уже начинало темнеть, когда Миша с Валерой вышли из-за стола. Весть о том, что приехал Михаил, быстро облетела его друзей, а их было в селе у него не мало, ребята собрались недалеко от дома тётки Нюры и терпеливо ждали друга из далёкого Узбекистана. Они все прекрасно знали сценарий деревенских застолий, и когда зазвучала балалайка, то были уверены, что теперь родня отпустит Мишу и скоро он придёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.